

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: ЗАБОТЫ И ПРАЗДНИКИ ТЕАТРА

Спешат в «храмы Мельпомены»

Театры Лондона

У театра «Виктория» полицейские с трудом сдерживают натиск любопытных. Еще бы: такое зрелище лишь раз в году! К театру подкатывает очередная лимузин, и толпа ревет от восторга — она видит то любимую театральную звезду, то ныне популярного эстрадного певца, то знаменитого режиссера или, наконец, членов королевской семьи, которые пожаловали на церемонию вручения премии Лоуренса Оливье.

Это — великолепно организованный Праздник Театра. Короткие минуты вручения премий лучшим актерам и актрисам года, продюсерам и режиссерам, драматургам и танцорам чередуются отрывками из популярных спектаклей, которые идут сейчас на подмостках Уэст-энда.

Впрочем, нынешняя церемония началась необычно: с протеста против введения цензуры в театрах! Оказывается, проект такого вмешательства в театральную жизнь Англии существует, а потому актеры и режиссеры решительно высказались против. И их голос был услышан по всей стране — Би-би-си вела прямой телерепортаж из театра «Виктория».

Лондон уже давно называют «театральной столицей мира». Только в центральной части города насчитывается до 90 театров — крупных и малых, субсидируемых государством и коммерческих. В каждом английском городке есть по крайней мере один «храм Мельпомены». По числу театров Великобритания намного опередила другие государства. И что характерно: залы театров не пустуют!

Подсчитано: англичанин больше времени, чем француз или итальянец, проводит дома, за стенами своей «крепости». И все же он обязательно посещает театр. Ни телевидение, ни кино пока не могут «отвратить» англичанина от древнего искусства.

Но все-таки чем объясняется тяга британца к театру? Этот вопрос нас волновал не случайно. Что греха таить: в наших театрах, особенно провинциальных, подчас актеров на сцене больше, чем людей в зрительном зале. Почему же в Англии иная картина?

Майкл Гленни, известный переводчик советской драматургии, попытался отшутиться: — Живем на острове, погода не балует, делать особенно нечего, потому и коротаем время в театре.

— А если все-таки серьезно? — настаивали мы.

— Наш «театральный эксперимент», — улыбнулся Гленни, — восходит еще к Шекспиру. Во-первых, бережное, уважительное отношение к искусству, и в частности к театральному... И во-вторых, театр старается, сохраняя традиции, чутко реагировать на процессы, идущие в современном мире. И потому так разнообразен и актуален английский театр...

Действительно, репертуар лондонского Уэст-энда необычайно насыщен. От классики — например, «Антония и Клеопатры» Шекспира или тургеневских «Отцов и детей» — до искрящихся весельем мюзиклов «Поцелуй меня, Кейт» и «42-й улицы», от острой сатиры «Серьезные деньги», рассказывающей о биржевом крахе в Сити, и до идущей уже 36-й год «Мышеловки» Агаги Кристи.

Более того, критики говорят о «британском нашествии» на заокеанский Бродвей. Почти половина всех идущих на главных сценах Нью-Йорка мюзиклов — гости из Уэст-энда. Только что состоялась шумная нью-йоркская премьера «Призрака оперы» — мюзикла британского композитора Эндрю Лойд-Уэббера, создавшего рок-оперы «Иисус Христос суперзвезда» и «Эвита».

Уэст-энд переживает период активной творческой жизни. Знакомая с некоторыми из постановок на лондонских подмостках, с работой актеров и режиссеров, мы невольно соотносили их проблемы и надежды с тем театральным экспериментом, который идет у нас. Что определяет успехи театрального искусства в Англии?

Можно по-разному оценивать постановки, но у всех у них один фундамент — актеры играют в высшей степени профессионально, самоотверженно, показывая все, что они могут. Профессиональная гордость? Конечно! Ведь для зрителя не имеет значения, первый это спектакль или сотый, — для него любой становится премьерой. А потому утром — репетиция, вечером — спектакль... И тут играет свою роль контракт с актером: он заключается на конкретную роль и на строго определенное время. Играть вполсилы уже себе не позволишь — конкуренция среди актеров слишком велика, легко можешь оказаться за пределами театра.

Высокий исполнительский уровень актеров — «привилегия» не только лондонской сцены. В любом городке вы встретите актеров не хуже столичных.

Бристоль — портовый город на юго-западе Англии, где производятся сверхзвуковые самолеты «Конкорд». В городе три театра. Ведущий — «Бристоль олд вик». В одной из рабочих комнат присутствуем на репетиции пьесы «Дела в палатке» Алана Эйкборна. В пьесе заняты всего два актера — Сюзан Бэкстер и Кристофер Эттридж, исполняющие роли нескольких персонажей. В зави-

режиссуре у нее давний, но найти работу женщине в этой области в Англии сложно. На всю страну всего два-три режиссера из числа представительниц прекрасного пола. Джуд пишет письмо в Королевскую шекспировскую труппу с просьбой позволить ей посещать репетиции. Приходит неожиданный ответ — предложение стать постановщиком.

— Это, конечно, не случайно, — говорит Джуд. — Прежде чем сделать такое предложение, они меня основательно изучили. В общем, повезло.

Джуд поставила уже более 10 спектаклей, имевших успех и на лондонской сцене, и в провинциальных театрах, куда обычно отправляются постановки после столичного проката.

Повезло ли? Судьба Джуд Келли, как ни странно, весьма типична для театра Англии. Многим молодым режиссерам дается возможность попробовать силы на лучших сценах.

— Без этого нельзя, — считает драматург Майкл Бэрч, — иначе не будет динамики в театре, возобладают стандарты, стереотипы, консерватизм. Конечно, неудач у молодых больше, но успехи их оправдывают риск. Молодые — режиссеры и актеры — это свежая кровь в театре, они не дают ему умирать...

Особую роль в театре на Западе играют продюсеры. Они занимаются финансированием постановок и, естественно, должны чутко реагировать на все новое, что появляется и в драматургии, и в актерском мире.

Американский продюсер Фрэнк Джеро уже несколько лет живет в Лондоне. Джеро пригласил на спектакль по роману Золя «Нана».

— В одном из маленьких провинциальных театров, — рассказывает он, — я увидел постановку «Наны». Группа актеров практически без декораций и костюмов создала оригинальный спектакль. Естественно, я помог перенести его на лондонскую сцену. Не буду скрывать: надеюсь на коммерческий успех, однако горжусь и тем, что в Лондоне появится весьма оригинальная постановка...

И вновь на спектакле потрясла игра актеров, отличное режиссерское решение... Кстати, никаких «технических новшеств», постановочных излишеств тоже — была встреча с Искусством! А как часто наши режиссеры и актеры жалуются, мол, нет в театре электроники, спецэффектов, дополнительных помещений. Их нет и в театре «Русалка», где идет «Нана», более того, нет даже гримборных — актеры переодеваются тут же на сцене, за легкими ширмами, а спектакль есть — интересный, волнующий, необычный. Может быть, театральную реформу нужно начинать с самих себя, а не с сетований на то, что «всего не хватает»?

Безусловно, коммерциализация театрального искусства, общая для всего Запада, усиливается и в Британии. Тем более, что дотации государства становятся все скуднее, некоторые театры разоряются и вынуждены бить поклоны коммерсантам от искусства. Упомянутый нами «Бристоль олд вик» оказался сейчас именно под такой угрозой. Его актеры вручили нам листовку, в которой говорится, что из-за сокращения государственной помощи падает число постановок: если в 1979 году на трех сценах театра было поставлено 29 пьес, то в прошлом году осталось уже две сцены. На них поставили лишь 19 пьес.

— Театр для мадам Тэтчер, — говорит Джуд, — не главный приоритет. И нас это очень беспокоит. Если мы будем продолжать получать государственные дотации, то сохраним определенную творческую независимость и сможем ставить то, что полезнее и важнее зрителю, нежели бизнесменам. Иначе же тон будут задавать продюсеры.

Режиссер и актеры сетовали на положение в театре, а мы невольно сравнивали: на двух сценах — 19 спектаклей в год, а на всю Москву сколько было премьер в минувшем сезоне?

Британский театр всегда жил и работал ради тех, кто находится в зрительном зале. Поэтому он любим и почитаем. И в этом гарантия его успеха и самобытности.

В. ГУБАРЕВ,
А. ЛЮТЫЙ.

(Спец. корр. «Правды».)

Бристоль — Лондон.